

Юсупова Нурфия Марсовна

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ОБРАЗ-СИМВОЛ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-1930-Х ГОДОВ

В статье раскрывается функциональное и смысловое поле идеологических образов, разнообразие и своеобразие мифологических мотивов в татарской поэзии 1920-1930-х годов на материале творчества М. Джалиля и Х. Туфана. В ходе исследования установлено, что в их творчестве идеологические символы выступают структурообразующим компонентом. В процессе анализа произведений определяются основные линии интерпретации таких образ-символов. Оценка произведений в идейно-эстетической целостности, произведенная с новых методологических позиций, даст возможность выделить новые грани развития в истории татарской поэзии 1920-1930-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:801.6

В статье раскрывается функциональное и смысловое поле идеологических образов, разнообразие и своеобразие мифологических мотивов в татарской поэзии 1920-1930-х годов на материале творчества М. Джалиля и Х. Туфана. В ходе исследования установлено, что в их творчестве идеологические символы выступают структурообразующим компонентом. В процессе анализа произведений определяются основные линии интерпретации таких образ-символов. Оценка произведений в идейно-эстетической целостности, произведенная с новых методологических позиций, даст возможность выделить новые грани развития в истории татарской поэзии 1920-1930-х годов.

Ключевые слова и фразы: идеологический образ; символ; интерпретация; функция; мифологический мотив; татарская поэзия.

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ОБРАЗ-СИМВОЛ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1920-1930-Х ГОДОВ

В истории татарской поэзии XX века 1920-1930-е годы стали временем новых художественных поисков и экспериментов. Новая идеологическая, художественная ориентация стала импульсом для формирования иных тенденций в национальной поэзии этого периода.

В литературе 1920-1930-х годов наблюдается разнообразие идеологических образов, которые в структуре текста часто выступают в статусе символа как структурообразующего компонента, причем наиболее примечательны архетипические и мифологические мотивы. Словесное искусство советской эпохи в целом отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем, по мнению Гюнтера, все более «превращается в официальный резервуар государственных мифов» [3, с. 743]. Как модель мира, так и функциональное и смысловое поле образов-символов, сформировавшееся в художественной словесности в 1920–1930-е годы XX века, существенно отличается от художественно-эстетических исканий предшествующих периодов в развитии литературы.

Начало социально-политических реформ, изменивших культурную ориентацию общества, сопровождается подсознательным приближением словесности к идеологической мифологии, мифопоэтическим универсалиям и архетипам, так и социально-политические реформы 1920–1930-х годов становятся основой для новых идеологем и мифологем [8, с. 56]. Марксистская теория для достижения своих целей ориентируется на воспитание чувств патриотизма, преданности Родине, и эта функция во многом возлагается на литературу, которая становится «одним из главных источников создания государственной мифологии» [3, с. 743]. В поэзии начинают преобладать идеологические штампы, воспеваются морально-политическое единение [1, с. 456].

Схожая тенденция наблюдается и в татарской поэзии 1920–1930-х годов, в связи с чем проследим ситуацию на материале поэтических произведений М. Джалиля и Х. Туфана. Поэты, вдохновленные новым обществом, новыми идеологическими условиями, посредством литературных образов-символов отражают происходящие в стране события. Этот период на литературной арене характеризуется такими особенностями, как «отражение классово-борьбы между двумя мирами (социализм и капитализм) и начало формирования человека новой социалистической формации, отрицание старого, утверждение нового, сотворение нового героя – реалистического образа, борющегося за это общество» [6, б. 21-22].

Так, в стихотворениях начального периода как М. Джалиля, так и Х. Туфана, «написанных в соответствии с новыми идейно-эстетическими установками» [2, с. 128], присутствуют три основных мотива идеологического содержания: вера в светлое будущее, жертвенность на пути священной борьбы, борьба за свободу новой жизни. Эти мотивы в стихах М. Джалиля проявляются в основном в повторяющихся из стихотворения в стихотворение устойчивых идеологически-мифологических образах Родины, Красного знамени, борца и способствуют раскрытию романтической, но удаленной от реальной действительности борьбы.

К примеру, стихотворение «Небесные огни» (1923) М. Джалиля описывает картину борьбы за строительство новой жизни:

*Безнең өстә анда һаман эле
Ут чәчәләр, туплар аталар.
Яндырырга теләп яшь гәлмне
Тартышалар, чиктән ашалар [4, б. 75]. /
Над нами все еще по-прежнему
Пламя рассеивают, взрывают ядра.
Желая сжечь молодое знамя,
Стараются, лезут из себя (здесь и далее перевод автора статьи – Н. Ю.).*

В структуре текста мифологический образ Красного знамени становится символом страны, строящей новую жизнь, и рождает мотив борьбы за строительства социализма. Кроме того, в смысловом поле символа мерцает идея о том, что новую жизнь можно построить только в результате труда:

*Кадап куйгач биек бер урынга
Эш элэмен, ирек утларын... [Там же]. /
Водрузив на высоте
Знамя труда, огни свободы...*

Водружение на высоте Знамени труда интерпретируется как предвещание новой системы, иного склада жизни в стране. Ставшие уже историей ценности советской системы – труд и идеология, героический культ, привносящий бессмертие, – выставляются в стихотворении основой жизни общества. В этом смысле этот символ часто встречается и в других стихотворениях поэта, приобретая новые смысловые вариации. Например, в стихотворении «Интернационал» (1921) оно выступает символом призыва к священной борьбе, в произведении «Гори, мир, я смотрю на этот огонь...» (1922) интерпретируется как вестник свободы.

Кроме того, мотив борьбы за новую жизнь в стихах М. Джалиля тесно связан с образ-символом Родины, которая в конечном счете предстает страной, борющейся за светлое будущее, идущей к всенародному счастью. Такие метафоричные образы и детали, как «ил кызы» («дочь Родины»), «ил шатлыгы» («радость Родины»), «киң ил» («широкая Родина»), «ил кырлары» («поля Отчизны»), «илкүләм көрәш» («борьба Родины»), «ил төзелешләре» («стройки страны»), «ил батырлары» («герои Отчизны»), «ил халкы» («народ страны»), «ил жәннәте» («рай Родины»), служат всестороннему усилению данного смысла.

В художественной картине мира таких лирических произведений репрезентована оппозиция Родина / другие страны, автор противопоставляет Отчизну другим государствам, живущим «в рабстве, странам, не ставшим на путь борьбы» («Зимнее стихотворение», 1935). В призывающем к священной борьбе стихотворении «Парча» (1922), например, создается образ Родины, которая символизируется как «мир свободы».

Отдельные произведения М. Джалиля, передающие мотивы борьбы за новую жизнь и жертвенности на пути священной войны, символизируют образ борца за светлое будущее, который интерпретируется как «ил улы» («сын Родины») и «ил кызы» («дочь Родины»). Так, в стихотворениях «На войне» (1920), «Перед смертью» (1923), «В плену» (1923) в художественной картине мира на первый план выходит оппозиция борец / враг. В данном ракурсе враг предстает человеком, не воспринимающим перемены в стране, преграждающим дорогу к новой жизни, противостоящим призыву страны к счастью. На этом фоне лирический герой, утверждающий социалистический взгляд на мир, пропагандирует культ героизма на пути борьбы за светлое будущее. В стихах М. Джалиля «Счастье» (1919), «Красный город» (1922), «Красный праздник» (1923), «Перед смертью» (1923) интерпретация идеологических атрибутов увязывается с преданностью советской идеологии.

В отдельных поэтических текстах этого периода превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего. Временной водораздел становится существенным мерилем в раскрытии идеи и содержания: противоречия двух эпох определяют сущность многих произведений. Дореволюционная жизнь рисуется как нечто темное, схоластически застывшее, даже кроваво враждебное и противопоставляется положительно изображаемому социалистическому образу жизни [9, с. 208].

Например, в таких произведениях М. Джалиля, как «Из прошлых дней» (1924), «После смерти отца» (1924), «Ленин родился» (1924), «Наша деревня» (1927), в художественной картине мира доминирует временная оппозиция прошлое / настоящее, превалирует принцип сопоставления прошлого и настоящего, поэт прославляет новую жизнь, отрицая прошлое:

*Безнең авыл – көздә корган каен төсле,
Яз керде дә – өр-яңадан яфрак ярды.
Сука картның кабере өстендә сабан үсеп,
Үгезләргә тракторлар алмашынды [4, б. 163]. /
Наша деревня, словно высохшая осенью береза,
По весне вновь распустила листья.
На могиле старой сохи вырос плуг,
Быков заменили трактора.*

Если в структуре текста образы-символы засохшей березы и старой сохи сообщают об утрате, исчезновении прошлого, старой жизни, то молодая береза и трактора превращаются в символы настоящего и будущего.

В поэме «Татарстан» (1925) Х. Туфана оппозиция прошлое / настоящее интерпретируется как раньше / сейчас, и такие детали, как саз, губерния и кишлак, воспринимаются как символы прошлого, причины прошедших несчастий, а на передний план выходят воплощающие современность образы трактора, марша. Прошлое – кровавое поле, оставшееся после ханов; тягостные чувства в осенней деревне, проклятия, плач; человек земли – раб; окровавленные ножи; сиротство; темная ночь. Настоящее – проведение свадьбы востока и запада Татарстана; появление в деревне тракторов; человек земли – хозяин; марш встречи; смех; Татарстан – отец родной; день. Все эти символические детали в структуре текста рождают сложный имажинистский образ прошлого и настоящего.

Мотив веры в светлое будущее, «последовательно переходящий из стихотворения в стихотворение, в начальный период творчества Х. Туфана» [5, б. 201] нашел отражение в стихотворении «Кудрявые дни» (1926). Поэт описывает весну мирных послереволюционных лет. Кроме того, в структуре текста возникает

и символический смысл образа. Обновляя традиционный смысл, образ весны пронизывается естественным светлого, прекрасного будущего. Красота современной действительности, обозначаемая символическими деталями свободы, труда и солнца, воспринимается как дорога, ведущая к солнечной весне и светлому будущему.

В поэме «У подножья лет» (1925) Х. Туфан также прибегает к использованию символических образов. Ветер, олицетворяющий прошлое, в стихотворении воспринимается как люди, разоряющие страну, «нарушающие мир», и еще более обобщенно рождает ассоциацию, связанную с самой революцией:

*Жил. Куе жыл.
Жил саламны –
Ертык йортның йонын тарата.
Болытлар кар или.
Юлаучылар кайта каладан...
«Себер».
Ә мин белмим,
Нинди «себер»дер?..
Ә жыл, жыл – себерке:
Жил кешеләрнең эзен себерде [7, б. 34]. /
Ветер. Густой ветер.
Ветер солому –
Утеплитель ветхого дома – разбрасывает.
Тучи просеивают снег.
Путники возвращаются из города... <...>
«Сибирь».
А я не знаю,
Что за «сибирь»?
А ветер, ветер-веник:
Ветер замел человечьи следы.*

В рамках социальной эстетики такие образы-детали, как зима, ночь, символизируют всю неприглядность прошлой жизни, а рассвет воспринимается как светлое будущее, которое принесет революция. Такая же картина наблюдается и в других многочисленных поэмах и стихотворениях Х. Туфана: «Голубой волк» (1925), «Меж двух эпох» (1927), «Возьми меня, партия» (1926), «О неспетых песнях» (1926), «Около последнего дворца» (1927), «Их дочь» (1927), «Старая Россия умерла» (1927).

Таким образом, краткий обзор системы идеологических мотивов и диахронических трансформаций идеологических образ-символов в татарской поэзии 1920–1930-х годов открыто свидетельствует об изменениях, происходящих в развитии татарской поэзии, позволяет наметить дальнейшие пути ее эволюции.

Список источников

1. **Борев Ю.** Особенности литературы в XX веке // Теория литературы: в 4-х т. / под ред. Ю. Б. Борева. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Т. 4. Литературный процесс. С. 456-470.
2. **Галиуллин Т. Н., Юсупова Н. М.** Образ Г. Тукая как национальный идеал в татарской поэзии XX века // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 126-129.
3. **Гюнтер Х.** Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743-785.
4. **Жәлил М.** Әсәрләр: 4 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1975. Т. 1. 575 б.
5. **Заһидуллина Д. Ф., Юсупова Н. М.** XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәреслек. Казан: Казан университеты, 2011. Т. 1. XX йәзнен беренче яртгысында татар әдәбияты. 230 б.
6. **Сабиров Р. Р.** «Шигърьләрдә – минем йөрәгем...»: Хәсән Туфан поэзиясендә автор образы. Казан: РИЦ «Школа», 2006. 188 б.
7. **Туфан Х.** Әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Т. 1. 479 б.
8. **Юсупова Н. М.** Идеологические мотивы и архетипы в поэзии периода Великой Отечественной войны // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 56-62.
9. **Юсупова Н. М.** Интерпретация Г. Тукая в татарской поэзии 1920–1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 207-209.

THE IDEOLOGICAL IMAGES AS AN IMAGE-SYMBOL IN THE TATAR POETRY OF THE 1920-1930S

Yusupova Nurfiya Marsovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
faikovich@mail.ru

The article reveals the functional and semantic field of ideological images and the diversity and originality of mythological motives in the Tatar poetry of the 1920-1930s by the material of M. Cälil's and Kh. Tufan's creative works. During the research it is ascertained that in their works the ideological symbols act as a structure-formative component. As the result of the analysis, the main lines of interpretation of such image-symbols are identified. The evaluation of works in the ideological and aesthetic integrity, made from new methodological perspectives, allows singling out new facets of development in the history of the Tatar poetry of the 1920-1930s.

Key words and phrases: ideological image; symbol; interpretation; function; mythological motive; Tatar poetry.